

Исследование механизмов и модели «саморегенерации» древнего города с социально-пространственной точки зрения: исследование древнего города Мизхи

Тянь Даруй; Ван Юхан

Аннотация

Живое наследие, представленное древними городами, на протяжении долгого времени занимает центральное место в международных исследованиях по сохранению культурного наследия. Эти города представляют собой сложные территории, где историческая среда продолжает тесно переплетаться с современной городской жизнью. Современная китайская практика сохранения зачастую делает акцент на пространственной онтологии и культурно-туристической репродукции, при этом недостаточно учитывая взаимоотношения между человеком и природой, а также права местных жителей в рамках взаимосвязанной социально-пространственной системы. Таким образом, устойчивая охрана требует особого внимания к саморегулирующимся подходам. Опираясь на социально-пространственную теорию, в данной статье предлагается концепция «самореконструкции» древних городов. На примере местного возрождения Древнего города Мичжи в провинции Шэньси анализируется модель развития, основанная на потребностях как катализаторе, функциональной интеграции, взаимодействии в пространственном строительстве и региональном сотрудничестве. В исследовании также предлагается модель «функциональной солидарности», основанная на местных реалиях и отличающаяся от распространённой парадигмы развития культурного туризма. Оно имеет теоретическое и практическое значение для установления взаимовыгодных отношений между сохранением исторического пространства и развитием отдельных домохозяйств в малых и средних древних городах.

Ключевые слова: социальное пространство; саморегенерация; реконструкция древнего города; модель регенерации; Древний город Мизхи

Как можно продвигать развитие через охрану природы? Это по-прежнему одна из наиболее значимых и спорных проблем в области сохранения древних китайских городов. Живое пространственное наследие является не только важной составляющей системы национального наследия, но и носителем культурной преемственности. Недавняя государственная политика подчеркивает социальную ценность исторического и культурного наследия и его интеграцию в урбанистическое и сельское развитие.[1]

Международные и китайские научные исследования всё чаще подтверждают, что сохранение древних городов также включает в себя поддержание местных социальных связей, повседневных обычаев, средств существования населения и прав его жителей.[2–6] Однако нынешний бум культурного туризма зачастую приводит к тому, что исторические места становятся объектами символического потребления. Оригинальные функции утрачиваются, жители вынуждены покидать свои дома, на территорию поступает коммерческий капитал; в результате возникают однородные памятники, реконструированные улицы и дворы, ослабевают исторические особенности местности, исчезают первоначальные сообщества, недостаточно развиты повседневные услуги и снижается жизненная активность самого места. Материальная среда становится «оторванной» от современных социальных потребностей.

В то же время обновление населения открывает возможности для возобновления жизнедеятельности: уход первоначальных жителей и прибытие новых групп способствуют формированию новых форм самоорганизации; физические условия постепенно изменяются в интересах новых форм производства и образа жизни. Вместо того чтобы рассматривать развитие туризма или статичное сохранение как единственные возможные варианты, исследования должны изучить, как учитывать современные потребности коллективного развития и потребности отдельных домохозяйств без ущерба для исторической пространственной основы.

1 Социо-пространственные отношения в процессе реконструкции древних городов

1.1 Основные вопросы охраны и регенерации

Древние города представляют собой живое культурное наследие и не могут защищаться как отдельные памятники. Благодаря интеграции теории самоорганизации и исследований городского наследия внимание сместилось от исключительно пространственной парадигмы к неизбежности пространственных изменений в социальных системах и к стратегиям, с помощью которых эти изменения могут регулироваться.[8] Гуманоцентричный подход должен объединять планирование, социологию и сохранение культурного наследия, обеспечивать защиту материального наследия при одновременном укреплении нематериальных социальных функций и способствовать сохранению как ценности наследия, так и прав местных жителей.[9]

Принципы Валлетты вновь подтверждают, что местные жители и социальные структуры играют ключевую роль в охране природы, одновременно отмечая, что изменения являются повсеместными и неизбежными.[10] Структурные изменения в социальной среде могут открывать новые пути регенерации. Если их использовать как возможность, процесс обновления позволяет сохранить первоначальных жителей и живое наследие, а также

е приветствовать новых жителей и пользователей на равных условиях. Его успех зависит от того, способствует ли регенерация на основе охраны природы устойчивому улучшению повседневной жизни и будущего развития.

Поэтому вопрос не сводится лишь к тому, должна ли древняя городская территория меняться, а заключается в том, как адаптивно переформулировать её символическую историческую и функциональную роль. Бывшие функции могут уже не соответствовать современным потребностям, в то время как современные сообщества порождают новые требования. Социоспациальный подход позволяет выявить внутреннюю логику, посредством которой меняющиеся отношения между человеком и природой перестраивают исторический пространственный контекст.

1.2 Интеллектуальные истоки социоспациальной теории

Социоспациальная теория возникла в ходе попыток западной социологии систематизировать концепцию пространства. Благодаря постоянному взаимодействию с философией, политикой, экономикой и географией она преодолела дисциплинарные барьеры и стала важной основой для понимания систем взаимодействия человека и природы.[11–13]

В ранних исследованиях трансформация городов и сельских районов рассматривалась в контексте власти, классовой структуры и социальной организации.[14] Позднее Зиммель и Чикагская школа уделили особое внимание социальным взаимодействиям в конкретных временных и пространственных условиях, а также взаимосвязанным влияниям физического и социального пространства.[15–16] Послевоенного «пространственного поворота», предложенного Лефевбром, Фуко, Гoffманом, Гидденсом, Харви и другими, пространство стало центральным элементом социальной теории.[17] Пространственное производство, отношения власти, Самоорганизующийся порядок стал эмпирическим основанием для объяснения социальных механизмов. Современные исследования часто акцентируют внимание на справедливости и пространственном равенстве,[18] однако ключевая идея остаётся такой: социальная практика непрерывно создаёт и воспроизводит пространство.

Таким образом, историческое пространство не является статичным: оно представляет собой производственное пространство, формируемое определённой социальной структурой и динамичным медиумом, через который историческая информация многократно передаётся. Эволюция древних городов — это организованный пространственный механизм, основанный на логике каждого эпохального периода. Следовательно, социально-пространственная теория позволяет понять, как наследованное пространство может развивать отношения непрерывности, открытости и взаимной выгоды в современном обществе.

1.3 Прогресс исследований с социосpatialной точки зрения

Охрана культурного наследия расширилась за пределы отдельных памятников, районов и территорий и охватила сферу социальной защиты, а также роль социальных систем в сохранении материальных остатков. Исследования показывают, что непространственные изменения — включая потоки капитала[21] и институты[19] — могут постепенно изменять пространственное представление и структуру объектов наследия. Планирование научных исследований изучало социальные изменения,[7] историческую эволюцию,[22] потребности в развитии,[23] а также пространственную смену экосистем,[24] и разработало стратегии, подходы, механизмы и руководящие принципы адаптивной регенерации.[3,20,25–26]

Функция является ключевым связующим звеном между историей и модерностью, а также между обществом и пространством. Оси, формы поселений и структура внутренних дворов отражают исторически специфичные модели производства; их постоянная трансформация подтверждает, что физические среды адаптируются к изменяющимся социальным структурам. Однако существующие исследования не полностью объяснили, как действия сообщества могут способствовать самоорганизации,[28] как взаимодействуют социальные отношения, функциональные возможности и циркуляция производственных факторов, а также какой модель регенерации формируется в результате этого взаимодействия.

Поэтому данное исследование сосредоточено на древнем городе Мицзи — историческом городе уровня префектуры в северной части провинции Шэньси — и анализирует механизм саморазвития, при котором социальные и пространственные системы развиваются параллельно.

2 А Теоретическая основа саморегенерации древних городов

Древние города представляют собой современные городские пространства, выполняющие производственные, жилые и экологические функции. Их регенерация означает не только восстановление внешнего облика, но и функциональную адаптацию, накопление капитала, пространственную репродукцию, формирование новых социальных отношений и взаимодействие с преемственной средой. В городах, где сосуществуют первоначальная и новая населённая составляющая, регенерация должна учитывать как видимую историческую форму, так и меняющиеся потребности, закреплённые в менее заметных социальных структурах.

2.1 Концепция самообновления древнего города

Урбанистическая регенерация обычно понимается как процесс, организованный снаружи; однако под формальным вмешательством происходят разнообразные самоорганизующиеся социально-пространственные изменения.[29–30] Как открытая сложная систем

а древний город формируется за участием участников из нижних слоёв общества, которые ремонтируют дворы, адаптируют здания, внедряют современные функции и повышают инклюзивность исторических пространств. Когда накопленные индивидуальные изменения достигают определённого порога, может произойти «переход фазы»[31], что приводит к усилению чувства принадлежности, расширению участия, формированию коллективной практики, возрождению жизненной активности и созданию новой эндогенной структуры.

Саморегенерация древнего города определяется как процесс, в ходе которого самоорганизация внутри социальной системы способствует улучшению физического облика города, структуры социальных групп и региональных связей. Данная концепция выходит за рамки внутреннего пространственного восстановления и анализирует социальную структуру и поведение сообществ, взаимосвязь между функциями и средствами существования, а также связи между древним городом и внешними сложными системами.

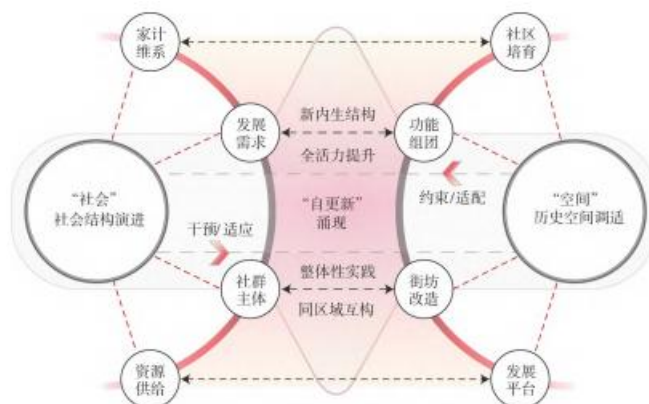

Рисунок 1. Теоретическое значение и происхождение саморегенерации древних городов.

2.2 Путь саморегенерации

Предлагаемый путь включает четыре взаимосвязанных этапа: катализ спроса, функциональную интеграцию, взаимное пространственное формирование и региональное сотрудничество.

2.2.1 Деманда как катализатор

Исторические районы зачастую остаются закрытыми в рамках относительно узкой внутренней среды, характеризующейся определённой пространственной структурой, социальными связями, повседневными ритуалами и системами управления. Обмен жителями и между старыми и новыми группами прерывает этот внутренний цикл. Потребность в ресурсах, направленная на обеспечение средств к существованию, становится основной эндогенной движущей силой саморегенерации. Потребность развивается от разрозненных

х индивидуальных потребностей в более выраженный коллективный импульс благодаря долгосрочному взаимодействию, постепенно смещая основного актора с системы управления сверху вниз на местных жителей. Этот катализирующий процесс является непрерывным, постепенным и динамичным; он улучшает условия жизни за счёт удовлетворения реальных потребностей.

2.2.2 Функциональная встраиваемость и активация

Функции и ресурсы обеспечивают стабильность и устойчивость пространственной системы. В процессе саморегенерации функция играет ключевую роль в социально-пространственных отношениях. Традиционные общественные ресурсы зачастую ориентированы исключительно на ограниченную местную или туристическую аудиторию. Когда современные функции становятся неотъемлемой частью системы, их влияние изменяет пространственное планирование и границы использования, связывает древний город с внешними группами населения, расширяет радиус его обслуживания и повышает качество пространственного обеспечения, уровень повседневной жизни и экономическую устойчивость.

2.2.3 Взаимное пространственное построение и проекция

В древнем городе существует динамическая система «основных пространств — вспомогательных пространств». Основные пространства — это те, которые наиболее активно используются и приоритетно задействуются современными жителями; вспомогательные пространства связывают их между собой и обеспечивают их функционирование. Со временем их роли могут измениться: зал предков, храм, академия или магазин, уже не отвечающий современным потребностям, может превратиться в вспомогательное пространство, тогда как ранее второстепенный двор может стать новым функциональным ядром города. В совокупности они формируют новую пространственную систему и относительно стабильную среду, в которой находится равновесие между государственными, рыночными и социальными факторами. Их эволюция в пространстве отражает изменяющиеся потребности сообщества.

2.2.4 Региональное сотрудничество и обслуживание

Древний город является частью более широкой урбанистско-сельской системы. Социальные связи, капитал, промышленная активность и перемещения населения по региону влияют на внутреннюю пространственную последовательность развития. Саморегенерация становится устойчивой, когда город берёт на себя современную, заменимую функцию обслуживания и входит в более масштабные урбанистско-сельские сети как функциональная единица. Спрос требует продления контрактов; функциональная интеграция способствует расширению деятельности; взаимное пространственное взаимодействие создаёт масштабный пространственный эффект; региональное сотрудничество формирует устойчивые внешние связи.

3 Саморегенерация древнего города Мицзи

3.1 Обзор случая

3.1.1 Историческая ценность и пространственные характеристики

Уезд Мичжи, исторически известный как Иньчжоу, расположен в холмисто-речной местности Лёссового плато в городе Юйлинь провинции Шэньси и является важным центром аграрной и народной культуры северного Шэньси. Древний город Мичжи возник в начале династии Северная Сун и развивался в периоды Юань, Мин и Цин. В начале Респуб-
бликанской эпохи к югу от реки Инь была построена новая городская территория, в результате чего сформировались три совместно существующих городских слоя: Сун–Юань, Мин–Цин и Республика.

Четыре основные улицы образуют главную структуру городской сети, по обеим сторонам которой расположены тринадцать полос движения. Фрактальная иерархия первичных, вторичных и третичных улиц естественным образом интегрирует дворовые комплексы[34], формируя сгруппированную систему переплетающихся улиц, переулков и дворо-

в, а также ландшафтную композицию, описанную как «четыре горы и три водоема, окружающие два города». Мизхи характеризуется широким разнообразием типов жилых комплексов Яодун, расположенных в пещерах, и сохраняет ярко выраженный живой характер. В 2008 году он был признан провинциальным подразделением по охране культурных памятников, а в 2023 году вместе с городом эпохи Республики стал провинциальным историческим и культурным городом.

Рисунок 2. Местоположение, пространственная структура и распределение исторических памятников в древнем городе Мичжи.

3.1.2 Разработка и эволюция

Современное развитие сосредоточилось на западе, что сохранило общую структуру древнего города, однако привело к пассивному упадку старого городского центра: пещерные двory были уничтожены, бывшие жилые помещения разрушились, общественные пространства стали частными, а стены и ворота были демонтированы. Сокращение численности населения ускорило рост бедности, старение населения и процесс «выпуклости» городской среды. В 2015 году в этом районе насчитывалось 1039 домохозяйств с низким д-

оходом и 1860 жителей; представители социально уязвимых групп составляли 39,26 % от общего числа населения.

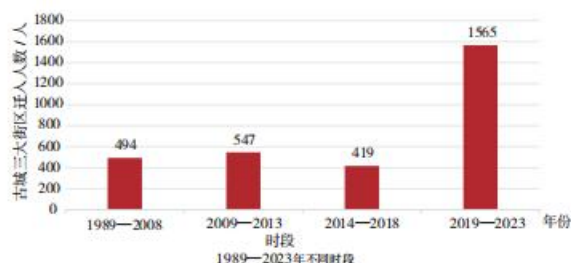
Местные власти реализовали проекты экстренной охраны природы, развитие инфраструктуры и развитие туризма, однако ряд ограничений препятствовал масштабной коммерческой реконструкции. В результате город сохранил значительную часть своего первоначального облика и образа жизни. После этапов утраты культурного содержания и попыток коммерциализации концентрация населения и экономический рост на уровне округов способствовали переходу к современным функциям и местным услугам. К 2020 году численность населения мобильных жителей в районе древнего города достигла 6244 человек, проживающих в 2190 домохозяйствах; количество домохозяйств с низким доходом сократилось до 501. Здания всё чаще использовались повторно, культурные памятники восстанавливались, исторический характер района сохранялся, в его состав вошли молодые люди, отношения между жителями улучшились, а культурная жизнь возродилась.

3.2 Эмпирический путь

3.2.1 Приходящие сообщества как основные участники

По мере ухода постоянных жителей домохозяйства из городков и деревень по всему округу переехали в древний город и изменили его социальную структуру. Многие из них представляли собой «сельские семьи нового поколения», стремившиеся к стабильному проживанию, лучшим условиям жизни, семейной единству и социальному продвижению.[36] Вместе с оставшимися местными жителями они стали движущей силой обновления города.

В отличие от местных жителей, владеющих недвижимостью и иногда проводящих масштабные реконструкции, новые семьи обычно переезжали в жильё посредством и/или долгосрочным арендованием. Решения, основанные на соотношении затрат и выгод, склоняли к небольшим ремонтам вместо полной модернизации. Типичные меры включ

али устранение утечек и частичного обрушения конструкций, покрытие дворов асфальтом, перефарбование стен, замену дверей и окон, создание зон тени и внедрение небольших озеленительных элементов. К маю 2024 года 55,37 % зданий были улучшены жителями самостоятельно, что значительно превышает долю объектов, модернизация которых была осуществлена исключительно правительством или в рамках совместных программ.

Рисунок 3. Миграция населения в три исторических района древнего города Мичжи в период с 1989 по 2023 год.

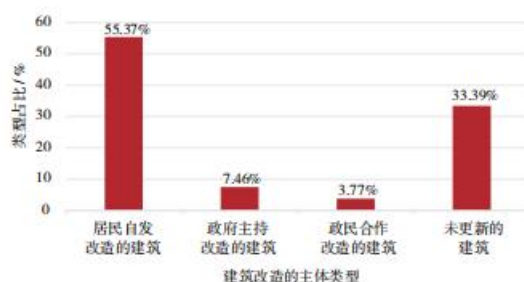
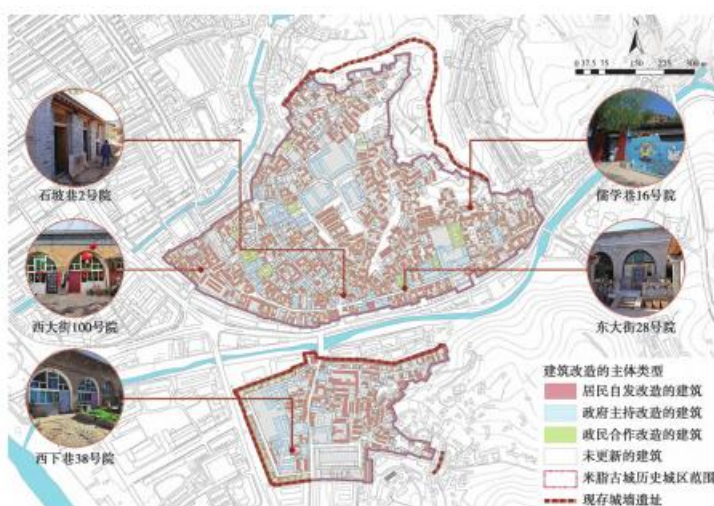

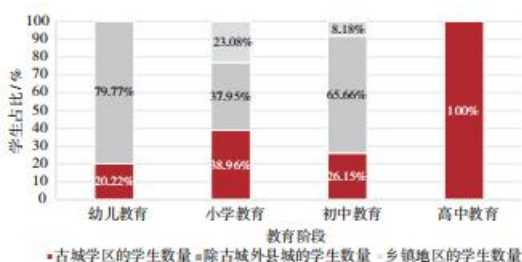
Рисунок 4. Основные виды реконструкции зданий в период с 2014 по 2024 год.

Рисунок 5. Доля реконструкций, выполненных различными субъектами, в период с 2014 по 2024 год.

3.2.2 Образовательные функции как встроенный ресурс

Коллективная способность к обновлению образовательной системы возникла отчасти и благодаря тому, что исторические образовательные традиции и учебные ресурсы были преобразованы в современные преимущества в сфере образования. Древний город Мизхи сегодня является главным центром образовательных ресурсов округа. В 2023 году в его школьный округ поступило 9 314 учащихся — 38,79 % от общего числа школьников округа — при сохранении высокого уровня преподавания. Здесь функционирует полная система образования от детского сада до старшей школы.

По мере объединения или закрытия сотен сельских школ школы в древнем городе расширялись. Образовательные ресурсы привлекали семьи со всего округа, формируя так

называемые «семьи-мигранты в сфере образования», которые жили в древнем городе, сохраняя при этом рабочие и сельскохозяйственные связи в других регионах. Молодые семьи способствовали улучшению демографической структуры, приводили к плотному заселению, значительному потоку учащихся в школы и интенсивному социальному взаимодействию. Образование дополнялось административными, культурными, коммерческими и жилыми функциями, что значительно повысило эффективность использования пространства.

Рисунок 6. Распределение учащихся в школьном округе древнего города, городке округа и сельских поселениях в 2023 году.

Рисунок 7. Тидальный транспортный поток, связанный с школой, в определённые периоды времени.

3.2.3 Стратегии обеспечения благосостояния домохозяйств и пространственная структура, ориентированная на общество

Домохозяйства постепенно сформировали межпоколенческую модель жизни, которую можно описать как «обучение в древнем городе, работа в уездном центре и земледелие в посёлке». Жилище стало ключевым пространственным элементом, позволявшим счесть средства к существованию с домашними обязанностями.[39] Древний город функционировал как наиболее тесное пространственное центроуправление для семейного сотрудничества и постепенно превратился в понятие «дома».[40]

Долгосрочный спрос и зрелый рынок недвижимости способствовали укреплению развития, ориентированного на общество. Жилые земельные участки составляют примерно 65,86 % площади древнего города. В крупных и средних исторических дворах часто сосуществуют несколько домохозяйств или даже одно домохозяйство в каждой пешеходной единице. В ответ на это коммерческие, образовательные, культурные и административные функции были перераспределены, в результате чего сформировался новый функциональный центр на месте пересечения исторического и современного городов.

Образование, административная сфера и коммерция сегодня выступают в роли основных пространств. Культурные объекты, религиозные места и пустые дворы адаптируются

я для их поддержки, а жилые зоны служат поддерживающей основой. Благодаря взаимодействию этой системы основной элемент и поддерживающие компоненты формируют новую структуру сообщества и обеспечивают сохранение живого культурного наследия.

Рисунок 8. Рыночные и социальные пространства, граничащие с древним городом.

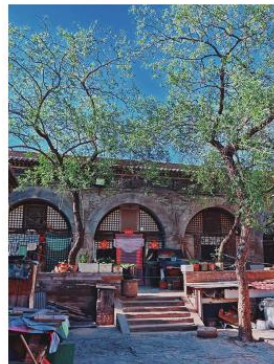

Рисунок 9. Условия внутреннего двора для нескольких домохозяйств.

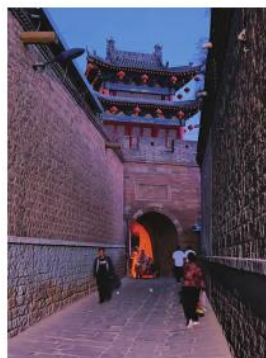

Рисунок 10. Улицы и переулки человеческого масштаба.

Рисунок 11. Доля основных категорий использования земли в 2024 году.

3.2.4 Региональное разделение функций

Древний город Мичжи также способствует более широкому развитию городской и сельской местности. Благодаря взаимодействию элементов древнего города, уездного центра и территории уезда он перешёл от исторической «центральной роли» к современной роли «приёмника». Он принимает новые семьи, предоставляет образование и социальные услуги и служит платформой для урбанизации и социальной мобильности. Открытая популяционная адаптация и интенсивное функциональное излучение создали адаптивный механизм, позволяющий древнему городу реагировать на современные урбанистические изменения.

3.3 Эндогенные факторы и критическое осмысление

Исторические функциональные преимущества Мичи превратились в преимущества в области ресурсов и услуг. Эти ресурсы привлекали новые группы людей, которые стали основными участниками процесса обновления и установили новые отношения взаимной необходимости на фоне ослабления традиционных территориальных связей. Город отреагировал на современные потребности с помощью подхода «функциональное обновление при сохранении пространственной непрерывности», разработал комплексную систему поддержки центральных районов и стал модельным примером урбанизации на уровне округа для семей, сочетающих работу, сельское хозяйство и образование детей.

Его эндогенный механизм представляет собой взаимовыгодный обмен пространственными ресурсами и правами на развитие. Для местных жителей продвижение семьи имеет более непосредственное значение, чем абстрактная консервация природы. Мичжи возник благодаря тому, что предоставил доступную платформу для воспроизводства в социальных сетях и повышения социального статуса. Ключевыми условиями были «отсутствие ограничений» и «возможность предоставлять». Вместо получения исключительных прав на культурное наследие общины внесли адаптивные изменения и превратили древний город в пространственный объект с определённой функциональностью.

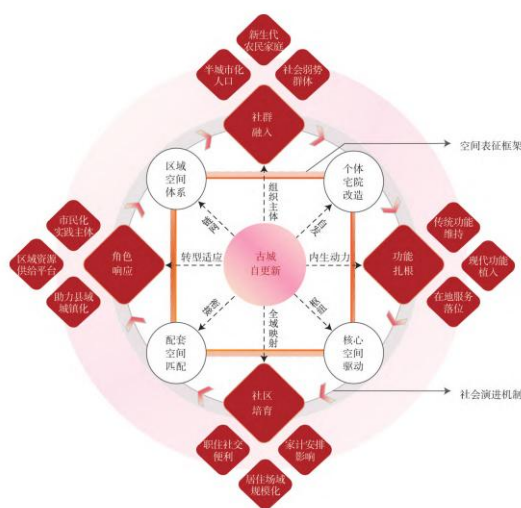

Рисунок 12. Внутренние взаимосвязи в механизме саморегенерации белка Mizhi.

Процессы укоренения и дегородничества сосуществуют. Многие новые семьи участвуют в обновлении города, пользуются возможностями местных программ и впоследствии переезжают в современный городской центр, в другой город или обратно в сельские районы при изменении своих целей в области урбанизации или мобильности. Недостаточная инфраструктура Мизхи может препятствовать постоянному оседанию населения. Древний город предоставляет относительно справедливый и недорогой входной пункт, но также может служить переходным пространством для социального продвижения. То же стремление, которое привлекает семьи, в конечном итоге может вывести их из этого сообщества; это также основная движущая сила концентрации населения и его самообновления.

4 Модель самообновления древнего города

4.1 Модель «Функция + община», основанная на местных особенностях

Модель основана на потребностях как уже проживающих, так и новых жителей в области жизни и репродукции. Исторические пространства адаптивно переиспользуются, а специфические функциональные преимущества привлекают новые сообщества и стимулируют самоорганизованное улучшение. Коммерческие объекты и современные услуги внедряются в подходящем масштабе, синхронизируя потребности местного развития с целями сохранения культурного наследия.

Даже там, где традиционные социальные структуры ослабли, ориентация на развитие изменилась и функциональные потребности изменились, древний город может использовать существующие ресурсы и применять целенаправленную замену функций и населения для преодоления замкнутой системы. Жилые и районные пространства продолжают играть важную роль. Благодаря подходу «открытого поглощения + местного развития» город способен обновить общественную жизнь, стимулировать участие жителей, восста

новить повседневную атмосферу и стать настоящим домом как в материальном, так и в эмоциональном плане.

4.2 Система взаимосвязи древнего города, уездного посёлка и уездной территории

Способность к саморегенерации не ограничивается историческим ядром города; древний город должен быть интегрирован в более широкие городско-сельские сети и превратиться в промежуточную зону, где сосуществуют общественные ресурсы как внутри, так и за пределами стен, а также где встречаются различные региональные группы. Мизх служит точкой схода процессов урбанизации на уровне округов и представляет собой «пространственно-временную лестницу» социальной мобильности.

Данная точка зрения рассматривает историческое пространство в контексте современных функциональных систем и регионального развития. Она учитывает одновременные процессы исчезновения традиционных сообществ и поселения новых жителей за счёт замены ролей элементов пространства и их функциональной трансформации, стремясь к взаимовыгодному сочетанию сохранения исторического пространства и развития домохозяйств. Модель ориентирована на местных жителей, преодолевает разрывы между древним городом и регионом, между индивидом и коллективом, а также между микро- и макроскопическими масштабами; при этом она кардинально отличается от традиционной туристической парадигмы.

5. Заключение

Практика сохранения культурного наследия в Китае вступает в новый этап, когда широкое осознание важности охраны должно приводиться в жизнь в виде устойчивого использования и живого передавания наследия. Подлинная пространственная специфика и исторического наследия и местная историческая глубина формируют ценность древних городов, однако их возрождение также зависит от людей. Суть реального возрождения заключается в способности жителей безопасно жить и работать.

В данной статье для теоретизации и анализа процесса самообновления древних городов используются социоспациальные связи, функциональная смена функций, адаптивные изменения и мотивация развития. Одних лишь механизмов активации снизу вверх недостаточно для сохранения всех исторических памятников; многие аспекты выходят за пределы возможностей местных сообществ. Важными остаются меры планирования, а также сотрудничество между государственными органами и гражданскими организациями. Местные власти города Мизхи в настоящее время разрабатывают платформу с участием множества акторов для стимулирования участия населения. Требуется дополнительное сравнительное исследование, чтобы определить, является ли данная модель региональным исключением или обладает более широкой применимостью.

Справочные материалы

- [1] Генеральный офис Центрального комитета Коммунистической партии Китая, Генеральный офис Государственного совета. Мнение о усилении защиты и передачи историко-культурного наследия в процессе строительства городов и сельских районов [EB/OL]. [2021-09-03]. https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5637945.htm
- [2] 邵甬, 胡力骏, 赵洁, 等. 人居型世界遗产 保护规划探索: 以平遥古城为例[J]. 城市规划学刊, 2016 (5):94-102.
- [3] 张松. 城市生活遗产保护传承机制建设的 理念及路径: 上海历史风貌保护实践的经 验与挑战[J]. 城市规划学刊, 2021(4): 100- 108.
- [4] Люй Пэн, МАРКУС Н. Исследование сохранения рельефа участков исторических городов Китая: содержание, эволюция и стратегии [J]. Журнал городского планирования, 2020(5): 92–99.
- [5] 王承华, 张进帅, 姜劲松. 微更新视角下的 历史文化街区保护与更新: 苏州平江历史 文化街区城市设计[J]. 城市规划学刊, 2017 (6): 96-104.
- [6] 陈鹏. 促进实施的上海历史风貌区城市更 新动力机制探索[J]. 城市规划学刊, 2024 (2): 80-89.
- [7] 姚轶峰, 苏建明, 那子晔. 以居民为核心的 人居型历史街区社会变迁及其整体性保护 探讨: 以平遥古城范家街的实证研究为例 [J].城市规划学刊, 2018(4): 112-119.
- [8] Уолдроп М. «Сложность: новая наука на границе порядка и хаоса» [М]. Нью-Йорк: Simon & Schuster Press, 1992.
- [9] ЮНЕСКО. Призыв к действиям: «дух Неаполя» [EB/OL]. [7 декабря 2023 г.] [https://www.unesco.org/sites/default/files/media/as/fichiers/2023/11/UNESCO\(CallFORACTION_NAPLES\).pdf](https://www.unesco.org/sites/default/files/media/as/fichiers/2023/11/UNESCO(CallFORACTION_NAPLES).pdf)
- [10] CIVVIH ICOMOS. Принципы по охране и управлению историческими городами, посёлками и городскими районами [EB/OL]. [2011]. <https://civvih icomos org/valletta-principles-english-french/>
- [11] 郑震. 空间: 一个社会学的概念[J]. 社会学 研究, 2010, 25(5): 167-191.
- [12] Вегнер П. Э. Пространственная критика: критическая география, пространство, место и текстуальность [М]. Эдинбург: Издательство Университета Эдинбурга, 2002.
- [13] 吴晓, 魏羽力, 王凌瑾, 等. 同社会学交互 渗透的城乡规划审视[J]. 城市规划学刊, 2023(1): 39-47.
- [14] 爱德华·苏贾. 后现代地理学: 重申批判社 会理论中的空间[M]. 北京: 商务印书馆, 2004.
- [15] ГЕОРГ С. Георг Зиммель о индивидуальности и социальных формах [М]. Чикаго: Изда тельство Чикагского университета, 1972.
- [16] Роберт Э. П., Эрнест У. Б. Введение в науку социологии [М]. Чикаго: Издательство Чик агского университета, 1970.
- [17] 文军, 黄锐. “空间” 的思想谱系与理想图 景: 一种开放性实践空间的建构[J]. 社会学 研究, 2012, 27(2): 35-59.
- [18] 哈维. 社会正义与城市[M]. 北京: 商务印 书馆, 2022.
- [19] 施芸卿. “中间” 的生产: 基层治理开放性建 构中的实践机制[J]. 社会学研究, 2024(2): 156-178.

- [20] 陆兵哲. 社会空间的继替与共存: 一个郊区村庄城镇化的社会学研究[J]. 社会学研究, 2023, 38(2): 182-203.
- [21] 黄怡, 吴长福, 谢振宇. 城市更新中地方文化资本的激活: 以山东省滕州市接官巷历史街区更新改造规划为例[J]. 城市规划学刊, 2015(2): 110-118.
- [22] 彭建东. 基于现代治理理念的城市更新规划策略探析: 以襄阳古城周边地区更新规划为例[J]. 城市规划学刊, 2014(6): 102-108.
- [23] 卢济威, 张力. 基于城市复兴的古城更新: 连云港海州古城城市设计[J]. 城市规划学刊, 2016(1): 80-87.
- [24] 张晨杰, 伍江. 基于空间演变研究的上海老城厢更新问题剖析[J]. 城市规划学刊, 2021(2): 72-78.
- [25] 周俭, 田银生, 徐里格, 等. 历史城区如何破境重圆[J]. 城市规划, 2023, 47(11): 25-31.
- [26] 邵甬, 陈悦. 历史城镇保护与设计导则研究与实践: 以平遥为例[J]. 城市规划学刊, 2020(6): 102-109.
- [27] 林林. 基于历史城区视角的历史文化名城保护“新常态”[J]. 城市规划学刊, 2016(4): 94-101.
- [28] 田达睿, 谭静斌. 陕北黄土高原沟壑区城镇开敞空间分形秩序研究[J]. 城市规划, 2020, 44(7): 38-45.
- [29] 杨超. “基础设施主义”的新城城市设计原理: 基于他组织与自组织的结构融合[J]. 城市规划学刊, 2023(5): 45-53.
- [30] Вербаватц В., Бартельми М. Уравнение роста городов [J]. Nature, 2020, 587: 397-401.
- [31] 陈彦光. 城市化: 相变与自组织临界性[J]. 地理研究, 2004(3): 301-311.
- [32] 孙彤宇, 李彬, 张蕾, 等. 基于自组织理论的中国传统城市空间结构拓扑关系研究[J]. 城市规划学刊, 2019(1): 33-39.
- [33] 卡斯特. 网络社会的崛起[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2001.
- [34] 田达睿. 城镇空间的分形测度与优化: 基于陕北黄土高原城镇案例的研究[M]. 北京: 中国建筑工业出版社, 2018.
- [35] 陈稳亮, 季佳慧, 周飞. 基于民生需求的米脂窑洞古城保护与利用研究[J]. 现代城市研究, 2018(1): 44-51.
- [36] 田舒彦. 县域城市化中新生代农民的家计升级与家庭分化: 基于农民家庭的新“半工半耕”结构[J]. 中国青年研究, 2021(7): 15-22.
- [37] Янь И С. Приватная жизнь в условиях социализма: любовь, интимность и изменения в семье в китайской деревне (1949-1999) [M]. Стэнфорд: Издательство Стэнфордского университета, 2003.
- [38] 沈洪成. 学校何以层级化?: 一个城区学校变动的案例研究[J]. 社会学研究, 2023, 38(4): 160-181.
- [39] 陈颢, 敖雅萱. 空间秩序转变与“家”的扎根与脱根: 一项流动摊贩进城案例的社会学研究[J]. 社会学研究, 2023, 38(5): 134-156.
- [40] 白美妃. 撑开在城乡之间的家: 基础设施、时空经验与县域城乡关系再认识[J]. 社会学研究, 2021, 36(6): 45-67.

Ai 辅助翻译